

Мы должны быть благодарны старообрядчеству за то, в первую очередь, что на добрых три столетия оно продлило Русь в её обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба, быть может, не меньше, чем защита Отечества на поле брани.

Валентин Распутин

Старообрядцы... Изначально и томительно влѣк к старообрядчеству интерес народоведческий: старообрядцы... в Западной Сибири — *кержаки*, в Прибайкалье — *семейские*, в Забайкалье — *поляки*... старообрядцы веками оберегали душе-спасительный семейный и родовой домострой, и сквозь три столетия, не расплескав на ухабах и колдобинах, в исконной красе и мудрости донесли до минувшего века исконную и украсную русскую речь, многоголосое древнее пение, обычаи, обряды, искусное ремесло. Старообрядчество консервативно хранило испоконную народную культуру, крепко держась старославянских корней, как хранило и православную от ветхих времѣн, а посему всю русскую народную и религиозную этику до раскола можно считать старообрядческой. А выразился мой интерес к старообрядчеству в изучении семейских обрядов и обычаев в фольклорно-этнографической экспедиции по семейским сѣлам Забайкалья и творчески воплотился в очерковых и сказовых сочинениях: повесть «Не родит сокола сова», рассказ «Купель», очерки «Родова», «Мать-сыра земля», «Творение русского духа. *О трилогии Владимира Личутина «Раскол», «Слово о величии и скорби. О родове, судьбе и творчестве писателя Глеба Пакулова».*

Автор очерка, прихожанин Иркутского Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма Московского Патриархата, высоко оценивая крестьянский талант, домостройность, исконный русский дух в речевом, песенном, сказовом, художественно-прикладном творчестве, в обычаях и обрядах староверчества, воспевав старообрядчество в повествованиях, тем не менее, согласен со святыми отцами, обличавшими «огнепальцев» в расколе; а среди обличителей преподобный Серафим Саровский, святители Димитрий Ростовский, Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, Иоанн Кронштадтский, иже с ними и другие святые, в земле Российской просиявшие. А кто прав, кто виноват в церковном расколе, о сем в моём очерке «Древляя вера»; в нынешнем же очерке о мистической русской трагедии лишь бегло поминается, а речь пойдёт о великой роли старообрядчества в хозяйственном, этическом, эстетическом укреплении русских в Восточной Сибири.

Писательский интерес мой к старообрядцам Забайкалья явился не случайно: дед мой, Лазарь Ананьевич Андриевский, и бабка, Вера Александровна, в девичестве Линейцева, породившие двадцать два чада, жили в староверческом селе Барахоево Красночикийской волости Забайкальского края, где родилась и моя мама

Софья Лазаревна. Из Барахоево семейство Андриевских уключало в Еравнинский аймак, что на северо-востоке от Верхнеудинска (ныне — Улан-Удэ). Дед Лазарь... дал Спас по щедрости... прожил сто шесть лет: пятьдесят — в девятнадцатом веке, пятьдесят шесть — в двадцатом; и я, родившись в 1950 году, частенько гащивал у деда Лазаря — старик доживал у маминой сестры Валентины Лазаревны в селе Погромна.

Однажды я уже толковал и ныне вспомню: «Коль Андриевские вышли из «староверческого»¹ кореня, то знаменитый этнограф Фирс Федосович Болонев в книге о семейщине и меня вписал в старообрядцы². Хотя и лестна эдакая запись, но к старообрядцам себя не отношу, ибо и матушка моя... похоже, единоверка... на закате минувшего века молилась в патриарших церквях, и я крещён в патриаршей церкви, и держусь общеправославных обрядов. Да и родичи мои по отцовской ветви — забайкальские гураны³ — чурались староверов: горделивы, скрытны, скуповаты, хитроваты, вроде иудеев, и любят не столь Бога и ближнего, сколь дедовские обряды. Словом, обрядолюбцы...

Андриевские... Даже сама фамилия широко разошлась по староверчеству, будучи польского происхождения, ибо, как поминалось, староверы во второй половине XVII века «утекли» в польские земли (Стародубье, Ветка), отчего их на Алтае, а иногда и в Забайкалье, величали ещё и *поляками*, польскими переселенцами. В царствование Екатерины Великой староверов переселили в Сибирь, куда они захватили вместе с некорыстным скарбом и обрётённые на польской земле шляхетские фамилии.

В те досельные лета... при царице Екатерине Великой... из Юго-Западной Руси в Сибирь уключало более трёх миллионов русских; и народец, подобно Андриевским, подбирался жилистый, на крестьянскую колодку скроенный, смолёной драгвой сшитый, на работу жадный, доподлинно ведающий земное разноцветье-разнотравье, всякое древо и куст, небесные светила и стихии, и от вселенского знания постигший уйму верных примет на плодородие на матери-сырой земле. Распахивались приречные и приозерные долины, выжигалась и корчевалась тайга под пашни, рубились избы, скотные дворы, стайки, амбары, но перво-наперво зазывно и спасительно зазвенели колокола сельских церквей. Коль церковь засияла куполами в небесах, значит, православные осели надолго... навсегда, душой и духом вращая в Беловодье. <...>

Маетно далось Андриевским переселение с тёплых земель в студёное Забайкалье, где глухоморная тайга без края да степи без огляда, и обживаться на голой кочке нелегко, но благодаря азартному трудолюбию, терпению, выносливости, неприхотливости, благодаря крестьянской сметливости обзавелись переселенцы крепким середняцким хозяйством.

Но, видимо, Лазарь Андриевский откачулся от чистых и неуклонных старообрядцев в *обмирщанники*, в *единоверцы*, словом, уже не чурался и не избегал новоправославных церковных обрядов. А мать моя, Софья Лазаревна, в девичестве Андриевская, урженица того же семейского краснотойского села Барахоево, вышедшая замуж за коренного сибирца, искренно верующая, будучи в Иркутске, уже молилась в тамошних церквях, а вот двумя перстами или тремя, хоть убей не

¹Говоря о поборниках старых обрядов, автор называет их «староверами», но пишет в кавычках, ибо святой Феофан Затворник и другие святые отцы, писавшие о расколе, наоборот, патриаршую церковь называли староверческой, а «огнепальцев» — новояверами.

²Болонев Ф.Ф. Семейские. Улан-Удэ, 1985.

³Гураны — русские забайкальцы, помешанные с эвенками или бурятами.

помню — по молодости редко гостил я в церквях. Но дед Лазарь не был и *поганистым*, отвергающим напрочь древнее благочестие, не предавал анафеме модельни, где когда-то, возможно, тянул вслед за уставщиком наречённую молитву, знаменитую тем, что «пока строчку наречённого споёшь, можно любовную песню спеть», хотя при этом уже и не брезговал единоправославными патриаршими церквями.

Всё же, вероятно, *обмирицаннику* нелегко было жить среди истых «староверов», о чём свидетельствует запись в «Словаре русских говоров Забайкалья» Лазаря Элиасова: «После Катьки-распутницы, которая нас сюда прогнала через всю матушку Расею и Сибирь, тут у нас на месте *обмирицанники* появились, ну, как бы богоотступники, которые говорили, что только креститься надо двумя пальцами, а всё остальное надо делать и молиться так же, как никонианцы. Мы на этих *обмирицанников* беду накликали, анафеме предали, стали молиться так, как наши деды и прадеды молились»⁴.

Посему-то, может, в начале двадцатых годов *обмирицанник* Лазарь Андриевский со многочисленным семейством укочевал из Красного Чикоя на северо-восток Забайкалья, поближе к священному морю Байкалу, где по первости обитал в сёлах Фёдоровка, Гавриловка, что приказали долго жить...»⁵

* * *

Попутно с *никонианами* *погаными* старообрядцы винили боярство и дворянство, винили справедливо, за то, что пали в бесовский искус европейского книжного просвещения, суть обезбоженного мистицизма либо откровенного демонизма. Дворяне предательски приотворили русские ворота западному чужебесию. Историк Василий Ключевский о кануне раскола пишет: «В XVI веке в русском обществе сложился... взгляд на объединительницу Русской земли Москву, как на центр и оплот всего православия. Теперь было совсем не то... <...> На место падающей веры в родную старину и в силы народные является уныние, недоверие к своим силам, которое *широко растворяет двери иноземному влиянию* (выделено мною. — А.Б.)⁶». А Пётр I, презиравший русскую народность, упразднивший Патриархию, повелевший брить бороды и носить прусские и голландские бабьи рейтузы, широко распахнул ворота падшему Западу, и хлынул в Россию бурный поток искусительной отравы, заразивший и сгубивший дворянские души. «*Величие*» Петра — *великая* попытка яростного западника сбить Россию с народно-православного, крестьянски самобытного, горнего (*божественного*) пути на дольную (*земную*) дорогу, усталую сладострастными цветами, ведущую душу в погибельную тьму, где вечные муки, где огонь, червь и скрежет зубовой. Вторую *великую* попытку сбить Россию с горнего пути предприняли красные дьяволята, укравшие российскую власть, кроваво вздыбившие русское царство-государство; и неслучайно, попутно с православными храмами сокрушив памятники царям, помазанникам Божиим, оберегали, лелеяли памятник Петру, словно первому большевику.

Любя церковные обряды от отичей и дедичей, свято чтя азы и буки богослужебных книг, некая часть православных выразила *протест исправлению веры*,

⁴Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

⁵См.: Байбородин А.Г. Родова : очерк // Тальцы. 2005. № 2. С. 74–88; То же // Сиб. огни. 2005. № 6; То же // Сиб. Афины. 2005. № 5.

⁶Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988.

отчего старообрядцев именуют ещё и *протестантами*; и русское священство, русское царство, где пряником, где ботагом, где ласково, где люто пытались вразумить неистовых древлеверцев, но лишь раззадорили. Большая часть староверов, убегая от царских утеснений, обрела приют в тогдашних польских землях — Стародубье, Ветка. Старообрядческий беспоповец Иван Алексеев писал: «И к новшествам принуждающе силою и муками; коих страшных прещений, не могуще носить, многие народы оставляюще свои природные места, сродники и други, течаху в Стародубскую область и тамо пустыни населяющее»⁷.

Об этом же писал и Андрей Иоаннов (Журавлев)⁸, старообрядческий летописец XVIII века: «И тамо вси пришедшие с Козьмой⁹ числом 20 поселилися при реце Ревне в лето 7177 (1668) в местечке Понуровка. <...> Русаки наши, как узнали друг от друга малороссийскую дорогу, то беспрестанно один за другим туда приходили, и редкий беглец при собственном имени оставался для того, чтобы в случае поисков нельзя было познать их»¹⁰.

Вот корневая причина отчего иные староверы пришли в Забайкалье с заёмными, нередко и польскими фамилиями, отчего прозывались *поляками*, как, скажем, Андриевские, мои родичи по материну крылу.

В тогдашних польских землях, входящих в Царство Русское, сначала крестьяне не страдали от государева утеснения, от крепостного помещичьего гнёта и могли свободно переходить от пана к пану и даже вольно осваивать дикие земли. Русские мужики с трудовым азартом и размахнулись во всю мощь и ширь крестьянского таланта. «Вкусив свободу, русский человек осваивал новые земли, строил дома, развивал ремесла и торговлю. Крестьянские повинности были незначительными»¹¹. Но и польские паны не дураки: дозволив русским крестьянам освоить пустующие земли, стали притеснять похлеще российских помещиков. Несмотря на временные вольности, староверы чувствовали себя в польских землях духовно неуютно — кругом *поганые латиняне*, и христианство их — ересь жидовствующая. «Польша становится для старообрядцев вторым отечеством, но в то же время землю «поганой, неверною», — писал исследователь старообрядчества, академик Д. Анучин¹².

И, наконец, при царице Екатерине II (1760–1768) старообрядцев *семьями* (отчего и *семейские*) переселили в Забайкалье для устройства устойчивого хлебопашества. И уже к середине XIX века семейские освоили все отведённые им земли. Часть староверов, прозванных кержаками, осела в Западной Сибири, на Алтае, часть ушла в Приамурье, но самые крупные локальные поселения старообрядцев возникли в Забайкалье — бывшем Верхнеудинском уезде, и в Забайкальском крае.

⁷Цит. по: Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994.

⁸Андрей Иванович (Иоаннович) Журавлёв (более известный как Андрей Иоаннов; 9 (20) августа 1751, Москва — 19 марта 1813, Санкт-Петербург) — протоиерей Русской Православной Церкви, деятель единоверия, историк старообрядчества. Изначально сам старообрядец, принадлежал к беспоповскому толку федосеевцев. Был хорошо знаком с учениями старообрядческих согласий. После присоединения к православной Церкви был рукоположен в иерея и в 1787 г. назначен священником Большеохтинской кладбищенской церкви в Санкт-Петербурге. Когда на юге России в рядах старообрядцев возникло движение к единоверию, Санкт-Петербургский митрополит Гавриил (Петров) в 1788 г. отправил отца Андрея в стародубские слободы на Черниговщине для содействия им. Обратив в единоверие значительную часть населения Климовского посада, Журавлёв обустроил единоверческие церкви в посадах Клиновском, Злыском, Зыбковском и в Никодимовой пустыни и собрал много редких материалов и устных преданий о первых временах раскола. В 1791 г. вернулся в Петербург протоиереем.

⁹Поп Козьма из прихода на Кулишках в Москве.

¹⁰Иоаннов (Журавлёв) А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. Ч. IV. СПб., 1795.

¹¹Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

¹²Цит. по: Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

Изрядную путаницу в историю и этнографию старообрядчества привнесли, как ни печально, те, кто исследовал и описывал «старую веру» в XX веке: одни от слепой *национал-патриотической* восторженности перед поборниками *огнепальной* веры, исповедниками *древлеотеческого* церковного чина, хранителями нравственной крепости, русской старины; другие, видя в старообрядчестве лишь обрядолобие и религиозный фанатизм, культурное невежество и национально-этическую замкнутость, которая неизбежно приводит к «замиранию» и последующему вымиранию или растворению этноса среди других этнических сообществ, третьи и вовсе от безбожного, материалистического взгляда на раскол, своевольно опуская его с религиозно-мистических высот до социально-сословной неприязни крестьян к помещикам и царской власти.

Не будучи основными, были и сии мотивы: крестьяне-староверы убегали от крепостного помещичьего гнёта, от рабства, от безземелья. «...Стекались сюда (в тогдашние польские пределы, на Ветку. — А.Б.) из разнообразнейших мест России, причём их побуждали не только гонения за веру, а также желание освободиться от ига крепостного права»¹³. Размышляя о сути русского религиозного размежевания, литератор XIX века Я. Абрамов писал в «Отечественных записках»: «...Раскол явился протестом старины против новин, причем под стариной отнюдь не должно разуметь одну заскорузлость и рутину; рядом с двуперстным знаменем и хождением посолонь, рядом с бородою и русским кафтаном протестанты (староверы, *протестанты*, *протестующие* против церковных нововведений патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. — А.Б.) отстаивали и старинное крестьянское русское право свободного передвижения и личной свободы, и исконное право земледельца на обрабатываемую им землю, и старинное русское самоуправление...»¹⁴

В прежних очерках я толковал, и ныне утверждаю, что се — смертный грех, когда по вине «*русских*»¹⁵ помещиков-крепостников гибли от холода, голода, болезней и воловьего труда миллионы мужиков и баб, отроков, отроковиц и грудных чад. А коли вспомнить, что в начале прошлого века крестьяне составляли около 90% населения России, то дворяне-крепостники, по сути, истребляли русский народ. В чем и каялись боголюбивые дворяне, что и выразилось в классической помещичьей литературе...

Но социальный, классовый, житейский и даже этический мотивы, разумеется, не были главными в расколе, поскольку эта русская трагедия — явление духовно-религиозное. Давая иногда важные историко-этнографические сведения о жизни поборников *древлего благочестия*, историки-народоведы искажали духовный облик старообрядчества, когда исследовали конфессионально-обрядовую общность с точки зрения не токмо материализма, но и вульгарного атеизма. А.М. Попова писала о староверах Забайкалья: «Главными носителями старины и руководителями семейских были «уставщики» и «начётчики». Они — страшное зло в семейских сёлах, губят всякое живое начало и заставляют своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве»¹⁶. Смягчая сей богоборческий натиск, сосредотачивая внимание на хозяйственной деятельности, поэтизируя языческие

¹³Абрамов И.С. Старообрядцы на Ветке... // Живая старина. 1907. № 3

¹⁴Абрамов Я. Выговские пионеры // Отечественные записки. 1884. Т. GGLXIII.

¹⁵Не могу сие высокое звание русский применить к помещикам-крепостникам.

¹⁶Попова А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928.

начала в обрядовой культуре, тем не менее, в духе А.М. Поповой описывали старообрядцев и другие этнографы XX века, и так до последних времён. В.П. Мотицкий, цитируя вышеупомянутого автора, негодовал: «Именно они, уставщики и начётчики, бережно охраняли устои старого быта, старые порядки, закрепощали разум человека, затемняли классовые интересы бедноты и притупляли стремление женщин и молодёжи освободиться от религиозного гнёта»¹⁷.

Иное ...умилённое и восхищенное... мнение о старообрядчестве выразили многие русские писатели и любомудры, восклицая вслед за поэтом «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», узрев в старообрядческом мироустройстве исконный нравственный и творческий идеал.

Основательно изучавший жизнь староверов в качестве государева чиновника, осмысливший и даже поэтически, живописно изложивший староверческую жизнь в талантливых романах «В лесах», «На горах», Андрей Мельников-Печерский в 1866 году заверял министра внутренних дел России графа Петра Андреевича Валуева: «Главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах. А восстановление русского духа, самобытной нашей жизни все-таки произойдет от образованных старообрядцев...»¹⁸

Возрождение в народе самобытной жизни, а тем паче русского духа, оказалось непосильной ношей для горстки старообрядцев; да и русский дух не столь в народных обычаях, обрядах и крестьянских нарядах, сколь в любви к Вышнему и ближнему, к вере православной, чему достойно служила Московская Патриархия и служит, возрождая веру после полувековых утеснений и гонений, а старообрядчество обратилось в фольклорно-этнографический русский памятник.

* * *

Ведомо, что среди российского крестьянства, а уж тем паче забайкальского, старообрядцы выделялись непревзойдённым земледельческим талантом, а в основе таланта — азартное трудолюбие, крепкий домострой и бережённейший многовековой хозяйственный опыт. Замечательные книги написал о старообрядцах известный сибирский учёный-этнограф, доктор исторических наук, уроженец семейского села Большой Куналей Фирс Федосович Болонев, архивные материалы которого использованы в данном очерке. Мне посчастливилось творчески общаться с сим талантливым русским учёным-народоведом, который под руководством выдающегося русского археолога Алексея Павловича Окладникова защитил кандидатскую диссертацию «Народный календарь семейских». Мне посчастливилось и побывать с Фирсом Федосовичем в фольклорно-этнографической экспедиции в его родное забайкальское село Большой Куналей, откуда я привёз изрядно магнитофонных записей, кои, расшифрованные и обработанные, читайте в завершающей части сего очерка.

Помню, когда я прочёл книгу Фирса Федосовича Болонева «Календарные обычаи и обряды семейских», то впечатление от книги трудно даже изъяснить словами, как трудно выразить любовь и умилённую, и опечаленную, что охватывает душу при встрече с родимым селом после долгой разлуки. Но с отчим селом разлучаешься на год-два, а здесь было чувство, что век был разлучён со своей крестьянской родовой и вдруг встретился, и покаянные слёзы любви затумани-

¹⁷Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья. Улан-Удэ, 1976.

¹⁸Цит. по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

ли глаза... Разуму моему не токмо отпахнулась крестьянская обрядовая, песенная Вселенная с древним домостроем, но и увиделся мой старообрядческий род, и перво-наперво дед мой, Лазарь Ананьевич Андриевский, который, как писал выше, прожил на белом свете сто шесть лет — полста в девятнадцатом столетии, пятьдесят шесть в двадцатом, и шесть лет мы жили с ним бок о бок. Я ощутил свою причастность к старообрядчеству и поскорбел, что знания мои о староверующих предках скопились не от жизни посреди них, а из сторонних наблюдений, из книг.

А после Фирса Болонева прочёл я роман Ильи Чернева «Семейщина», потом книгу Елизара Мальцева «Белые гуси на белом снегу» — произведение, где с любовным знанием, мудрым и живописным народным языком запечатлен старообрядческий мир. Но прежде помянутых сочинений книги Фирса Федосовича Болонева пробудили в моей душе любовь к русским народным обрядам и обычаям, повериям и приметам, к цветистому и мудрому пословично-поговорочному народному говору. А любовь сия выразилась в азартном и вдохновенном постижении крестьянской этики и эстетики и воплотилась в романах, повестях, очерках и рассказах.

Но вернёмся к старообрядцам... В книге «Народный календарь семейских Забайкалья» Фирс Болонев писал: «Семейские принесли в Забайкалье богатые трудовые традиции, многовековой крестьянский опыт, наблюдательность и смекалку земледельцев, прилежание и любовь к земле, стойкость перед невзгодами, деловой практицизм и трезвый расчет...»¹⁹

Старосельские люди говаривали: не ведали бы счастья, да несчастье помогло. От насильственных переселений старообрядцы развили редчайшую способность осваивать землю под хлебобобную пашню даже в краях предельно рискованного земледелия: морозы «за сорок» и скудные, каменистые почвы. В 1772 году академик П.С. Паллас тщательно исследовал поселения семейских в Забайкалье и пришёл к выводу: «...Селенгинская страна и другие в рассуждении их обширности никогда не могут столь быть многолюдны и хлебом обильны как другие сибирские места не слишком к северу близкие, при этом везде сверх крутых гор по долинам и косогорам весьма каменисто или чрезвычайно песчано. Так что кроме кочующих народов, каковы бурета и тунгусы, никакому другому тут жить не можно»²⁰.

Но Паллас ошибся. Семейские не токмо прижились в «селенгинской стране», но освоили под хлебобобные нивы даже и горные покати. Изучая дальше семейское крестьянство, Паллас уже пишет о том, что выведенные из Польши староверы «по лесистым горам не без малого труда и прилежания, но и не без желанного успеху расширяются. Оне имеют довольноное хлебопашество (это уже через шести лет после их поселения за Байкалом. — А.Б.), а жалуются только, что по подлежащим сенокосам немного для скота травы родится, которым напротив того оне уже довольно развелись...»²¹ В этом же сочинении Паллас сообщает, что семейские первыми среди сибирского крестьянства стали использовать плуг, которым пахут «гораздо глубже и лучше коренья подсекают, нежели русскою сохою»²². Соха добра на старых пашнях, а целик подымать малосильна, плугом сподручнее.

О хлебопашестве старообрядцев за Байкалом восхищенно отзывается и А. Мар-тос. Он пишет, что оно достигло «высочайшей степени совершенства. Многие ора-

¹⁹Болонев Ф.Ф. *Народный календарь семейских Забайкалья*. Новосибирск, 1978.

²⁰Паллас П.С. *Путешествие по разным провинциям Российского государства*. СПб., 1772. Ч. 3. Половина 1.

²¹Там же.

²²Там же.

таи засевают хлеба по сту десятин. Рожь родится сам десять, яровой хлеб обыкновенно двадцать зерен»²³. Заведение «польскими поселенцами»²⁴ устойчивого хлебопашества в Забайкалье необходимо было не только для того чтобы прокормить себя, «...семейские должны были обеспечить Нерчинские рудники хлебом, в котором тогда ощущалась очень большая нужда»²⁵.

Хотя за Байкалом земли вдоволь, тем не менее, резали наделы строго, абы, перво-наперво, не утеснить бурятские роды (им с широкого царева плеча выделяли по 80 десятин земли на душу мужеского пола), потом — казаков (им — по 40 десятин), а уж крестьянам — по 16 десятин. Но если *сибирякам* (так семейские и «польские» поселенцы звали общеправославных, укоренённых в Сибири) могли дать и плодородные земли в долинах рек, то раскольников, случалось, загоняли в неудобь, где трудно и помыслить о хлебопашестве. Коль у бурят оказалось изрядно доброй земли — долины, степи, тайга, то семейские брали у них в аренду на сорок лет тайгу и часть её разделявали под пашню.

Разумеется, освоение малопригодных для хлебопашества земель стоило семейским и огромного физического напряжения, и духовной стойкости, поскольку и тут власти, почитавшие их раскольниками, не давали покоя. Сообщая о старообрядческих пашнях, М. Геденштром пишет: «Бывший тогда селенгинский обер-комендант поручил одному майору отвести им под поселения земли. Сей, по ревности своей к православию, ненавидя их, отвел им леса и горы, предполагая усугубить их нещастие. Но благое провидение, несправедное усердие его обратило в пользу старообрядцев: с несказанным трудом расчистили густые леса, и приобретенные пашни вознаградили их с лихвою... Лучшие пашни их расположены по высоким горам и к некоторым из них можно достигнуть с трудом по крутой узкой тропе»²⁶.

Путешественники, побывавшие в староверческих селениях Забайкалья, писали о надсадном труде, о воловьей выносливости, благодаря коим возделывались земли высоко в горах, куда плуги, сохи и бороны завозили верхом на лошадях и где пахали в одну борозду. О сем писал литератор, публицист Н.М. Ядринцев: «В некоторых деревнях крестьяне сеяли хлеб на высоте 4 тысячи футов. Покосы бывали в таких ущельях, что сено приходилось вывозить верхом, связывая веревками в охапки. И тем не менее крестьяне облюбовали эти места за девственную почву... Благодать, чернозем 6 вершков глубины»²⁷.

Приживаясь на забайкальских землях, семейские, хотя и жили скрытно, хотя и сторонились «поганистых» — патриарших сибиряков и бурят, тем не менее немало переняли из хозяйственного опыта у тех и других. Русские крестьяне, давно жившие бок о бок с бурятами, эвенками, возродили «баргутские канавы», ирригационные сооружения, коими пользовались некогда обитавшие здесь народы. «...Многие крестьяне воспользовались древними инородческими канавами», — писал Н.М. Ядринцев²⁸.

Не только государственные мужи России XVII, XVIII, XIX веков и путешествующие этнографы, такие как С. Максимов, но и знаменитые русские писатели

²³Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.

²⁴Польскими поселенцами, поляками именовали старообрядцев, при Екатерине II переселённых с польских земель, когда Польша входила в состав Российской империи.

²⁵Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья.

²⁶Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1880.

²⁷Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая// Сибирский сборник. 1886. Кн. 1.

²⁸Там же.

Некрасов, Гончаров, Лесков, Мельников-Печерский, Чехов с удивлением и восхищением писали о семейских крестьянах, которые обратили сухую степь и студёный горный камень в щедрую житницу и наладили в забайкальской тмутаракани крепкое, красивое, мудрое житьё-бытьё.

Поэт Николай Некрасов с радостным дивлением описал Тарбагагай — большое семейское село в Забайкалье:

«Горсточку русских сослали /В страшную глушь за раскол, /Волю да землю им дали, /Год незаметно прошёл — /Едут туда комиссары, /Глядь — уж деревня стоит./ Риги, сараи, амбары! / В кузнице молот стучит./ Мельницу выстроят скоро. <...> /Вновь через год побывали, /Новое чудо нашли: /Жители хлеб собирали /С прежде бесплодной земли./Так постепенно в полвека /Вырос огромный посад. <...> / Как там возделаны нивы,/Как там обильны стада!/ Высокорослы, красивы / Жители, бодры всегда,/Сыты там кони-то, сыты, / Каждый там сыто живёт, /Тёсом там избы-то крыты, /Ну, уж, зато и народ! / Взросшие в нравах суровых, / Сами творят они суд, / Рекрутов ставят здоровых, /Трезво и честно живут, / Подати платят до срока, / Только ты им не мешай. / «Где ж та деревня?» — Далеко, / Имя ей: Тарбагагай, / Страшная глушь, за Байкалом...»

И.А. Гончаров, возвращаясь из кругосветного путешествия по Якутско-Аянскому тракту, встречался со стационарными крестьянами. «Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала... <...> Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занасивал, — так оживлены поля хлебами, ячменём, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет. Хлеб уже в снопах, сено в стогах»²⁹.

Где в семье достаток, обрётённый праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские (*«поляцкие»*) красивы и дородны, напоминают донских и малороссийских казачек, а старики похожи на библейских пророков — все так и просятся на живописные полотна.

Ю.Д. Талько-Грынцевич, врач, археолог, антрополог и этнограф, познакомившись с раскольниками, сотни крестьян обследовав, пришёл к выводу, что семейские среди великороссов антропологически ближе всех стоят к исконному славянскому типу. Учёный «...нашёл в них выдающуюся по чистоте типа и сохранению народного культа отросль великорусского племени»³⁰. С. Максимов отметил, что староверческие жёнки «поражают красотой лиц и дородством тела»³¹. А декабрист Андрей Розен, побывав в старообрядческих селениях во время ссылки в Забайкалье в 1830 году, писал: «Избы и дома у них не только красивы углами, но и пирогами... а люди, люди!.. Ну, право, все молодец к молодцу. Красивы, не хуже донских, — рослые, белолицые, румяные... Всё у них... показывало довольство, порядок, трудолюбие»³². Подчёркивая, что и внешняя красота старообрядцев исходила из их нравственной жизни, Г.М. Осокин утверждал, что «ведя более правильную жизнь, не злоупотребляя вином, табаком, распутством, семейские дали краю крепкий, здоровый, сильный и красивый тип населения»³³.

²⁹Гончаров И.А. *Фрегат «Паллада»*. Л.: Наука, 1986.

³⁰Талько-Грынцевич Ю.Д. *Семейские (старообрядцы) в Забайкалье //Протоколы общего собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО. Кяхта, 1894. № 2.*

³¹Цит по: Болонев Ф.Ф. *Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.*

³²Там же.

³³Там же.

Как ни утесняла раскольников государева власть, но и власть осознавала, а иной раз откровенно признавала: ревнители древнерусского благочестия — духовно-культурный и хозяйственный цвет русского народа, о чём и писал П.И. Мельников-Печерский, будучи и писателем, и царским чиновником. Речь даже не идёт о том, что старообрядцы к XIX веку породили выдающихся купцов, промышленников, много содейвавших для процветания России. Похвальные слова семейским, с Божьей помощью и великим крестьянским талантом освоившим дикие забайкальские земли, звучали даже из уст Трескина, иркутского губернатора: «Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за сорок на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвестить по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян-староверов Верхнеудинского уезда — Мухоршибирской, Куналейской и Урлущкой волостей и изъявить им за то совершенную признательность»³⁴.

* * *

Семейские крестьяне — исконные хлеборобы, несколько столетий выращивали на бесплодных, казалось бы, каменистых землях богатые урожаи пшеницы, ярицы, овса, ячменя, гречихи; а и в двадцатом веке забайкальские районы Бичурский, Мухоршибирский, Тарбагатайский, где основное население — семейские, почитались хлебными житницами.

Славный русский народовед Ксения Мяло пишет: «В старообрядческом обществе традиция держалась необычайно крепко и в формах иной раз прямо-таки архаических, крестьянское хозяйство и крестьянский быт вовсе не были враждебно непроницаемы для техники и усовершенствований жизни. Как правило, крестьянин старообрядец стремился быть экономически самостоятельным, крепким хозяином, потому не только не сопротивлялся повышающим эффективность хозяйствования новинкам, но живо интересовался ими, охотно внедрял их... Но любая предпринимаемая новация не должна была разрушать мировоззренческое ядро, сердцевину отвоёванной в жестоких столкновениях XVII–XVIII веков собственной культуры»³⁵.

Семейские — и прекрасные огородники, садоводы, отчего ощущается выраженная в говоре, обычае, обряде и наряде, хотя и далекая, да немеркнущая родовая связь с южнорусами — малорусами, белорусами. Паллас писал о садоводстве и овощеводстве староверов, переселенных всего шесть лет назад в Забайкалье: «Сеют здесь (в забайкальском селе Хилок, что на реке Хилке. — А.Б.) ярицу, также арбузы, кои по садам у поляков, так же, как и около Селенгинска, хорошо удаются»³⁶. Ф.Ф. Болонев в книге «Семейские» использует «письма о Сибири» учёного натуралиста-ботаника Иоганна Сиверса, который, путешествуя в Забайкалье в 1791 году, отмечал, что «разного рода огородные растения, особенно белокочанная капуста, кое-где

³⁴Цит по: Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья.

³⁵Цит по: Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.

³⁶Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3.

картофель, белая круглая репа, горчица, хрен, разные сорта лука, а также, конечно, гречиха, вызревают здесь довольно хорошо... Много дынь и арбузов выращивается в деревне Усть-Кяхта, в 18 верстах от Кяхты, хотя вес их редко превышает 5 фунтов, но они тем не менее довольно вкусные. Точно так же преуспевают брюква, мелкая фасоль, огурцы и тыквы. Польские колонисты (раскольники. — *А.Б.*) пытаются разводить чечевицу и лен. <...> Польские» и русские крестьяне (с. Урлук. — *А.Б.*), поселённые лет 30 назад, ввели земледелие и фруктовое садоводство».

Коль речь зашла о семейских, знатных овощеводах и садоводах, вспомнилась живо давнишняя картина. В семидесятые годы обитал я в забайкальском граде Верхнеудинске, и помню, на городском базаре торговали картошкой, замороженными огурцами, помидорами, луком бойкие семейские бабоньки и старухи в старинных русских сарафанах, запанах, повязанные цветастыми гарусными платками или в кичках. Наезжали жёнки с кулями и тальниковыми корзинами из городских предместий и ближних деревень, из того же, воспетого Николаем Некрасовым, Тарбагатайского посада. Как сейчас, дивясь, вижу длинные, похожие на огородные гряды, базарные ряды, заваленные овощами: в зазывно отпахнутых кулях ядрёная картоха, урождённая на сдобренных навозом песчаных землях возле сосновых боров, отчего и отменно крупная — *хрушкая*, не изрытая глазками и червоточиной, с шершавой кожицей, рассыпчатая — *чёрствая*, не жидкая, не картоха, а объеденье одно; рядом тугие, налитые забайкальским зноем, влажно поблескивающие, словно в предутренней росе, огурцы и помидоры; и под стать — семейские бабоньки, крепко налитые, не ущипнуть, с певучим по-малороссийски либо по-сорочьи частым, взвизгивающим чудным говорком, словом, *семисюхи*, как дразнили семейских коренные сибирцы за частый, вроде даже подсюсюкивающий говор, а заодно и, на взгляд простоватых сибиряков, за природную потаённость, скупость и вредность.

И... радостно дивило... все семейские на базаре, старухи и пожилые бабы, красовались в ярких, цветастых сарафанах и пёстрых запанах, повязанных поверх сарафанов, отчего чудилось: бабы напялили ворох юбок. Головы венчались, опять же, словно на малороссийский лад, цветастыми кичками. Зрелище дивное, сказочное... Лишь, бывало, глянешь на базар, душа радуется, ликует глаз от обилия зрелого овоща, от небесной, солнечной и цветочной яркости сарафанов и запанов, и слух увеселяется крикливым, но сочным, старинным говором, что оберегли семейские в чистоте и щедрости со времён царя Алексея Тишайшего.

Вельми поучительно для Иванов, презревших родовую память: по всей земле святорусской лишь старообрядцы до конца XX века оболакались в исконный русский наряд: праздничный и обыденный; не пошло упрощенный, фестивальны́й — сарафан выше багрово набрякших колен, картонная корона на власах, а подлинный, что бытовал в народе сотни лет и лишь в начале XX века по воле правящих супостатов утаился в сундуках. Тысячу лет эдак по-русски одевались, и вдруг застеснялись сарафана, косоворотки, простонародной речи, родного обычая и обряда...

И не для *машкарата* выряжались семейские жёны и девки в стародавние сарафаны и запаны, не на посмех крутили на косы затейливыве кички, а потому, что верно хранили устои предков. Недаром, отстаивая старинный русский сарафан, пели семейские девчата в довоенную пору:

Я семейская была

И семейской буду.

Свой семейский сарафан

Сроду не забуду.

Ветреная мода, упорно дующая с фармазоньего Запада, выкидывала фортели одно чуднее другого, и лишь перед семейскими жёнками мода никла: не попу-скались жёнки пестрорядными сарафанами, цветастыми кичками и... древними обрядами. Но и в семейщине к концу XX века исконный русский наряд — суть прикладное народное искусство — вытиснился безликим, безнациональным костюмом, словно железобетонные кубы заслонили солноликие избы.

И многоголосые, протяжные семейские песни, увы, потеснили вначале частушки-тараторки, потом — советские песни, а на закате прошлого века и вовсе — вопли нежити с Лысой горы. Хотя пение семейских, четверть века звучащее по радио благоговейно слушал весь народ русский; а в начале XX века песни семейских, записанные Николаем Протасовым, высоко оценил Н.А. Римский-Корсаков: «признаки древней чистой русской мелодии». Песни, посланные Протасовым Римско-му-Корсакову, были переданы композитору С.И. Танееву.

* * *

«Не следует, разумеется, идеализировать старообрядчество, — похвалив древлеверцев, оговаривается Валентин Распутин. — Отделившись от общего народного организма, уйдя во внутреннюю эмиграцию (внешняя была немногочисленной), отказавшись от христианских заветов любви и терпения ко всякому ближне-му, оно не могло не пострадать, и пострадало. Немало со временем narosло в нём тёмного и костного, и неуклюжего вместе с упрямством, фанатизмом и гордыней. Не говоря уже о крайнем сектантстве, которое выродилось в уродливые формы, губительные для человеческой природы»³⁷.

В помянутой моей повести «Не родит сокола сова» есть глава, где говорится: «Святоотеческое древо старой веры к исходу усталого девятнадцатого века, на кровавом восходе двадцатого, пустило столь густолистных ветвей, что уже и мутно виделся сам хребтовый аввакумовский ствол; недаром же и приговорка шаталась по сибирской украинной Руси: что ни деревня — согласие, что ни село — толк. Случалось, в деревне-малодворке, да и на улице одной, уживались, хотя и в спорах, разные семейцы: и поморские, и белокрыницкие, и беглопоповские, и беспоповские, и федосеевские да окулькины, дунькины с их безвенечьем (*лучше семерых родить, чем замуж ходить*), и тюрюкановские, и гурьевские, и темноверцы, что не признавали ладана и свечей, и Бог весть ещё какие. Даже, прости Господи, и дырники народились, что, подобно духоборцам, иконоборцам, баптистам, иеговистам и прочим еретикам, поклонялись якобы «Христу не мазаному, не писаному, а Христу животворящему» — молились в слуховое оконце, навроде дыры, прорубленное в избяном венце на солновсход.

На таёжном заиме в вершине реки Уды при царе-косаре таились древле-православные скрытники, сбжав и от никониан троеперстных, и от староверцев, что жили в добротных и богатых забайкальских сёлах: мол, и посолонь ходят круг аналоя на молебнах, и не щепотники никониановы — дуперстные, а склонили выи золотому тельцу. На заутреню и вечерню собирались скрытники в избе уставщика, молились по старому чину, крестились двумя персты. Годом да родом из таёжного потая выбирались в волостное село Укыр.

Сурово и замкнуто жили скрытники беспоповские, прятались от никонианско-го, единоверского и семейского мира на таёжных займищах, уверовав, что несть

³⁷Распутин В.Г. Россия: дни в времена. Иркутск, 1993.

правды под небесами, что священство ныне у антихриста на побегушках, а со дня на день явится и сам соблазнять о себе знаменьями да чудесами. Но хоть и таились староверы-скрытники по лесным падам, но работали не меньше деревенских, и землёй не попускались: драли целики на лесных елянях или творили залого, повалив лес, выжигали, корчевали пни и в солоноватую от пота, но жирную пашню сеяли жито. Расчищенные елани мужики ласково величали Божьей пазухой — молодая нива много лет щедро родила хлеб. А коль жито сеяли, то и скотину держали. Но всё лишь для некорыстного прокорма; большее время засевали промеж себя Слово Господне: во все дни живота своего пребывали в молитве, усердно постились, избегали кобей бесовских — пианства, табака, блуда, слова поганого. Отсчитывая на деревянных чётках, как начётчик выучил, твердили Боговы Слова, били лбы пред древними образами, слушали уставщика, который читал Священное Писание, дедами завещанное, неисправленное «никонианами погаными». Жили не для хлеба куса, заради самого Иисуса³⁸, как и заповедывал Господь: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их». Не жили, конечно, по-птичь, кус мимо рта не проносили, хотя и не радели о земных сокровищах, ибо тлен, но — о небесных, ибо вечны, при этом хватко держались древлего чина: «Бесстрастие телесное имети, ступание кротко, глас умерен, слово благочинно, пищу и питье немятежно». Кто в земной юдоли взрастил себе крылья, — правил души святой Ефрем, — тот на небесах воспаряет горняя; кто здесь очистит ум свой, тот на небесах узрит славу Божию; в какой мере возлюбишь Бога, в той мере насытишься любовью Его...»³⁹

* * *

Конфессиональное дробление, породившее православное ослабление, доходило до того, что, как ни чурались староверы *бесовского язычества*, даже в их среде стали появляться толки, обрядово и мистически близкие верованиям древних славян, одухотворявших землю. Сплетая древние природные обряды с христианством, даже суровые старообрядцы не избежали мистического поклонения матери-сырой земле, а заодно и предкам, захороненным в ней и якобы имеющим с ней мистическую связь. Об этом писал протоирей Андрей Иоанов Журавлёв, прибывший вместе с гонимыми старообрядцами в польские земли, на Ветку: «Старообрядцы в день Пятидесятницы (Святой Троицы, что праздновалась накануне Духова дня. — А.Б.), ложая ниц на землю, слушают молитвы, а священник читает их, на коленях стоя к престолу, зря на восток»⁴⁰. Небо и земля становятся «церковью», и некоторые «староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»⁴¹.

Вот так радели иные старообрядцы, вроде и в чистоте сохранившие исконное, древнее православие, в отличие от *никониан-нововеров*, что в лихую годину церковного раскола выправили богослужебные книги и церковные обряды на манер греческого православия, о ту пору, по мнению древлеверцев, испрокаженного.

³⁸У староверов в Имени Бога одно «и».

³⁹Не родит сокола сова. — М. : Вече, 2011. (Сибириада)

⁴⁰Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем церкви сошествия святого духа на Большой Охте. М., 1890.

⁴¹Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. I.

Мало того, именно у старообрядцев появляются религиозные толки — суть бесовские коби, где прихожане поклоняются матери-сырой земле. В XIX веке у семейских Бичуры, Мухоршибири, Большого Куналея (семейские села в Бурятии) образовался таинственный толк *землепоклонников*. Сошлись в толке крестьяне, что *не признавали икон, попов и уставщиков, а поклонялись священной земле, как самосвятой*. Землепоклонники торжественно шествовали в поле и, осеня себя двуперстным крестным знаменем, валились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося её о помощи. В.П. Мотицкий писал в книге «Старообрядчество Забайкалья»: «Землепоклонники всей семьей или небольшой группой выходили в поле и там, осеня себя двуперстным крестным знаменем, становились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося ее о помощи».

О бытие толков, созвучных языческим радениям, писал известный сибирский фольклорист и диалектолог, уроженец баргузинского села Большое Уро Лазарь Ефимович Элиасов, многие годы посвятивший изучению религиозной этики забайкальских староверов, что отразилось в рукописи «Толки семейских».

«В начале XIX века в семейских селах Окино-Ключи Бичурской волости, Хонхой и Шаралдай Мухоршибирской волости появился новый толк, получивший название «песочников». Старообрядцы-песочники при крещении ребенка употребляли не воду, а подогретый песок»⁴².

Обряд *песочного* крещения записал В.П. Мотицкий: «Мать держала ребенка на руках, а уставщик сыпал ему на животик или спинку мелкий теплый песок. После этого ребенка осеняли крестом и давали ему имя, затем умывали в тазу, очищали от песка, пеленали и клали в зыбку. Если ребенок засыпал сразу, то родители были уверены, что он будет здоровым и счастливым, а если не сразу, то его ожидала нелегкая жизнь»⁴³.

Мало того, в Бичуре (самое большое семейское село в Бурятии, а в середине XX века самое длинное в мире. — А.Б.) появился и толк *идолопоклонников*, когда молились под открытым небом у *священного* пня или камня (*идола*), что творили далёкие предки русских — славяне-язычники. Венчание идолопоклонники совершали также возле идола, крещение — дома, а погребение умершего устраивалось без отпевания. Икон не держали в доме, жили замкнуто, запрещали песни, пляски и другие развлечения. Толк просуществовал до середины XIX века. Небо и земля становятся *церковью*, и Александр Афанасьев, знаменитый народовед XIX века, писал: «Староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»⁴⁴.

Увы, вместе с *древлеотеческими обрядами*, за кою Аввакумовы единомышленники — огнепальные *обрядолубцы* — шли на великие страдания и даже сжигали себя в скитских срубах, старообрядцы из простолюдья не изжили из повседневной и праздничной этики отзвуки языческих суеверий и более общеправославных *тешили беса* в поклонении «самосвятой» земле. В отличие от общеправославных крестьян старообрядцы, оберегши до середины XX века даже во внешнем облике исконно славянскую статью, сохранили и многие верования древнеславянского язычества. Историк русской православной церкви Н.М. Никольский писал: «Крестьянская «старая вера» имела мало общего со старой верой профессионалов или

⁴²Бураева С., Васильева С. Старообрядческие толки и согласия Забайкалья // Интернет-сайт «Предыстория».

⁴³Мотицкий В.П. Старообрядчество Забайкалья.

⁴⁴Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1.

посадских людей, и если напоминала старую веру, то *старую дохристианскую веру* (выделено мною. — А.Б.)»⁴⁵. Не ясно, о какой *старой дохристианской вере* идёт речь, поскольку под *старой* понимается *православная вера* до церковного раскола⁴⁶, но не в дохристианский период русской истории, когда славянское язычество *бесам жряху*. А.П. Щапов и вовсе с расколом связывал возрождение языческих верований, волхований и чародейства⁴⁷. В.Я. Пропп, повторяя *языческую* точку зрения на староверчество, пишет: «Изучение языческой сущности праздников лишит их ореола святости»⁴⁸.

Через страдания, отчуждения от государства долго хранили *старообрядцы* испоконный народный дух, но, не одолев лукавые искушения, раскололись... воистину, раскольники... на тьму толков и согласий, нередко еретических или языческих, водимых расколоучителями. *Староверы* оказались более суеверными, нежели троеперстные сибирцы, о чём и свидетельствуют былички, записанные автором в семейском селе. Впрочем, Бог всем судья, а не я, грешный, а что грядёт в семейский мир, опять же Бог весть.

Обычаи, обряды старообрядцев Забайкалья

По материалам фольклорно-этнографической экспедиции в забайкальское село Большой Куналей

Масленица

На Масляну няделю у субботу катаются на конях, и у воскресенье... Собираются ребята — твой жаних, мой жаних. Но и вот подъедут, катають круг улицы. На кошавых...⁴⁹

Неделя цела масленицы. Ни жира не ядят, ничего... Яички ядят, а жир, мясо — это ничо ня ядят. Это — неделю проводят Масляну. Но и на Маслену у субботу ранью-приранью уж баню вытопят, помоются. Но и кого какой есть молоденький конишка, запрягают. И вот детва — какой бы только вярхом умел ездить — у субботу вечером по улице катается. А уж у воскресенье запрягают сани, быдто, — кто кошаву, кто сани с отвалами, — и родители катаются. Вот у меня подружки собираются, чтоб парни их всех прокатили. Но вот прокатимся, вечер подходит, солнце ещё на закате, тройки, пары, — все молодые катаются, которые пожанились. <...>

Потом, это, на своих конях, у кого коней нет, пяшком, — по родителям *процаться*. Это был *прощённый день*. Все своим у ноги кланяются, цалуют: но, прости меня Бог, прости то и друго. Но и мы тут, молодёжь, бегаем *прощаемся*. Было так заведено.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

⁴⁵Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930.

⁴⁶Впрочем, РПЦ считает раскольников новoverами, а никониан — староверами, путем церковных реформ возродивших исконное, истинное Православие, кое приняла Древняя Русь от восточного (константинопольского, царьградского, греческого) православного христианства, но с веками исказила в церковных обрядах и богослужебных книгах.

⁴⁷Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII // Соч. Т. 1. СПб., 1906.

⁴⁸Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

⁴⁹Кошава (кошева) — лёгкие выездные сани.

Пост

Но приходить пост Великий. Бывало, всё повымоют, кадушки повышоркают, всё повысушат, чтоб уж ничего скоромного не было, — запаха не было. И вот, бывало, какой-то бурдук⁵⁰ сладят, какую-то ботвиню сладят, с картошкой натолкут, и ядят. Даже грудной, если грудь сосёт, — ему на Великий пост не дают грудь. Вот была такая жись... И как-то (*народ*) питался, жил. Да ещё здорове был. Я говорю, сейчас ня успет, Господи, прости, из жопы вывалиться, тут и штаны ему, тут и каки-то тапочки, тут и колготки эти... <...>

Избу мыли дрясвой (дресвой. — *А.Б.*) — песок мелкий сеяли. <...> В печи его пережгут, он потом такой красивый станет, красный. Его кучечками по полу стелят, для подстилки, чтоб пол шибко не топтался. Потом неделя пройдёт, этот песок смятут. Возле колодца промоют, потом им пол шоркали — голяком⁵¹ или рогожей. Стены шоркали осенью и к Пасхе. Вот у меня свякровка была — о-ой! — ростом небольшая, ноги здоровые. <...> А я кого же, у меня под ногой крутится голик, а она как ширкнет, аж бело сразу, сухо, будто как на тарелке... Вот до того дотруть пол — потом смоют, высохнет, — аж как жалток жёлтый.

Но спали же на полу, постели путней ни у кого же не было.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

...Мяшаю молоко — топится у печке. Я молоко помяшала ложкой, и эту ложку раз и облизала. Постный день ли, пост ли был, не помню. Я за печку забежала да и на Божушка-то⁵² гляжу да думаю: может, Божушка-то мене не видел, что я ложку полизала. Давай запаном язык обтирать. Вот видишь, как мы боялись. А таперь никто не боится. «Ты ня ешь — пост...» — «Какой пост, чо пост?!»

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Троица

На Троицу у перву голову бывало съездять мужики по бярёзу. Но подростки сами ходили. Топор возмуть, у лес убягуть по берёзку. Называли их — *кумушка*, *кума*. Эти бярёзки чуть ли не возле каждого двора... Но и, это, кумятся: навесят платочки, цвяточки, но и вот ходять круг этой бярёзки, всё понут, кто чо умеет. Это таперь не умеют... Пели: «Вячор девки...», «Посею, лябяду на бярягу...», «Во саду ли, в огороде...», «Выросла малина...».

Это первый день — кумиться. На второй день начинают складываться деуки там, али бабы, — но, это, яишню жарить. Собярутся, как вроде, гулянка. Но ране не пили. Это таперь-то пьют... даже бабы. <...> Потом, это, вечер приходить — Троица заканчивается. Там верховые девки... Парни нарубять бярёз. Девочк пятнадцат там собярутся, вот оттель шириной все с бярёзами вечером, вроде, провожать Троицу. Но тут, будто, мы подхватываемся и — песню, кто какую умеет. Пошто-то на Троицу все пели:

⁵⁰Бурдук — кушанье в виде жидкой каши из муки и воды// Эдиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 70.

⁵¹Голяк — веник из голых прутьев кустарника (*ирника*).

⁵²Божушка — так семейские называли и Господа Иисуса Христа, и сами иконы с Его ликом.

*Слава, слава,
постилала постельку мягку,
ждала-поджидала полковничка в гости...*

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Когда становимся, кумушку держать одна, и вот круг кумушки ходим и поём:

*Вячѐ-ор деуки, вячѐ-ор деуки,
Вячѐ-ор деуки вячяриночку сядели,
Вячѐ-ор деуки вячяриночку сядели,
Пришѐ-ол к нам-то,
Пришѐ-ол к нам-то,
Пришѐл к нам нязнаменький человек,
Нязнаменький, нязнакоменький...*

Вот такие песни и пели, карагодные⁵³, троицкие. Круг кумушки и поём эту песню. А по улице ходим, такие протяжные поём. <...> Такая была у нас жись... Таперь Троицу не знаем... Елив поехали у лес, вина напьются, раздядутся...

Кумились⁵⁴. Мы, маленькие, в горнице кумушку поставим, вот ходим, кумимся, потом собяремся яишню жарим — нам матка яишню сжарит, чай пьём, чѐ-нить поговорим, попляшем.

А крjастами мянялись и о святках — какой тебе жаних придѐть... <...> От как пройдѐть Рождество Христово, от и мянялись крjастами.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Помочи

Жись-то была шибко интересная, а пошла какая-то жись совсем чужая... Вот собяруть молодых ребят, девок — жать, сярпом же жали. Ну, вот выжнут имя, хозяевам, вот *помочь* собирали. Старикам, быдто, помогали. Имя не платили ничо, а как на помощь. Их накормят, и всё... У нас тоже *помочь* была. Матка болела, батка болел. Пять годов болел — костоломка была. Таперь как-то по другому зовуть, но, пиритрит, ли как... Но тоже собирали. Вот Капитолина у девках была. Но, тут ишо много девок... Ребята телегу запрягут, девки рядом сжали, все песню поють. Но поехали жать. У нас полторы дсятины — ярица была посеяна. А мамка говорит:

— Вы уж ня вяжитя в снопы-то — сопреет. Уж кладите в горстю...⁵⁵

Дождь мало-мало брызгал. Но они нам полторы дсятины не у снопы, у горстю всё сжали. Но, будто, с корня-то она вся у горстях ляжить. Но мы после всё ездили да вязали её. Мамка говорить:

— Вязать-то нам легче. А жать-то, знаешь, каково?!

Я ишо маленька была. Помню, меня в телегу посадили, будто, у зад... Но, пару запрягли конѐв. И поехали. Матка пирогов с капустой напекла. Это после Успенья... Сала нажарили. Тамочки на пашне чай пили. Но браво...

Опять потом круг улицы девки поехали. Ребята их повязли. С песнями едем.

⁵³Карагодные — хороводные.

⁵⁴Кумление — старинный русский обряд роднения девушек, женщин, когда мянялись иногда крjастами и становились крjестными сестрами, т. е. сестрились.

⁵⁵Горсть — тут в смысле охапка.

Ой, браво было. Жись-то была шибко интересная, бравая. А таперь жись — сосед к соседу ня ходим. Старуха к старухе ня ходим. Такие какие-то стали люди...

Раньше, бывало, к Пятрову дню — праздник был Пятра и Павла, — у кого коровы нету, им соседи и сметаны, и творогу, и молока — всё дадут. Которы богаче... А таперь не дадут, усе на эти деньги сяли верхом, у всех, чтоб до глотки этих денег было... А раньше-то у нас никто никому не продавал, а давали, подавали... Так вот и жили, пособлялись, а сейчас не, не пособляются, хошь ты пропади, к тебе не придуть. И кусочка хлеба не дадут. Вот пошла какая-то жись совсем чужая...

Но сямейские всегда были дружные, а таперь и оне не такие стали... Всё куды-то, адали, переродилося. Один одного уважать ня стали, друг на друга наговаривають, будто, всё ругаться хочуть.

Старинного нету, ничо нету. Бывало, с церкви идёшь, браво. Пякуть хлеб, калачи, пахнеть по улице. А таперь хлеб пякёшь, он пошто-то ня пахнеть хлебом... А старинная была пашаница ме-е-еленькая, такая была вкусная. Ой, калач зимой вот так об коленку как стукнешь, он как ружьё так — тры-ык! — лопнеть... белый. Вот его грызёшь, и ня зубы не болели, ничо. А таперь три-чатыре годика, только выросли зубы, давай уж падать. Без зубов уж делается. Народ стал слабый...

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Посиделки

Где старик со старухой живутъ — там *посиделки*. Ну, спросимся, имя даём мясо, кто принясётъ, кто молока, кто калачик. Но вот *посиделки* сидим. Смеемся, у гармонь играем да пляшем. Играем в каки-нибудь жмурки, да ишо чо-нибудь... Игры разные. Вот так рука за руку возьмемся. А одна *мышка* бегаеть, *кошка* догоняеть, быдто. Догонить её, ударить, но, будто, съела она её...

Постом Великим, бывало, под Пасху семь нядель песни ня пели. Грех песни петь.

Бывало, на *посиделках* у *рыбочку* играли. Вот на лавке стоишь. Тебя спрашивают: «Рыбочка, рыбочка, чо тебе надо?»

Но вот скажешь: там какого парня ли, девку. Вот его тутъ сзади бьють у горбушку. Потом на одной ножке скачешь, догоняешь его. Засекёшь, он рыбочкой становится на лавку. Ну, у прятки играли... Но *сухарят* парни с девками на посиделках, дружат.

...А рябятишки, бывало, в зиму у *скалки* играли. Скалку берёзову сделаютъ, будто, как рыбкой. Тут голова, будто, потолще, а хвост потоне. И вот бабки ставили — коровьи, скотские. (Холодец варили, и вот от ног кости — бабки.) Скалками бабки сбивали. Кто сколь уронил, у карман собираеть. Другие опять ставять. Так проиграешь или выиграешь бабки.

А мы, маленькие девчонки, в ладыжки играли. Это бараньи кости от ног.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Сватовство, свадьбы

Благословение

...Но сначала жаних с нявестой, будто, дружат, а станут сходитьсья — скажут своим. Родители редко попярёк вставали, если молодые сходились. Но бывало... Вот песню скажу:

*Как у малянькой дяревне,
Там <...> Иван освободился.
Вздумал Ванюшка жаниться,
Вздумал, бравенький, жаниться.
Он ня знал, кого спроситься,
Кроме матери, отца.
Его тут люди научили:
— Иди к тятеньке спросись.
— Позволь, тятенька, жаниться,
Позволь взять кого люблю.
Отец сыну отвячает,
Что на свете любви нет.
Как на свете цвету много,
Можно кажный цвет сорвать,
Как на свете девок много,
Можно кажинную взять.
Повярнулся сын, заплакал,
Отцу слова ня сказал.
Шёл он лесом, шёл тайгою,
Сел под кустик луговой.
Вынул саблю, вынул остру,
С плеч головушку долой...
Покатилась головушка
Между двух белых бярёз,
Размяталась кровь горяча
По зялёной по траве.
Прилятели две кукушки,
Начинали куковать.
Приходили две дявчонки,
Стали плакать, горявать.*

Вот это было, но редко не давали жаниться молодым.

Рядиться за косу

Вот приезжают они (*сваты*), договорятся с нявестой:

— Завтра ле, послезавтра придём *запивать* — сватать, будто.

Но придут сваты, то родители нявесты, если соглашаются отдать дочь, то сразу *рядяться за косу*.

К родителям нявесты приходят, — батька ли есть, matka ли, брат ли *больший*, — так чяловека три-чятыре приходят. Не как чичас нахалом — по двадцать человек садятся за стол... Но, отец с матерью жаниховы: дескать, что *за косу*?.. Невестины родители *за косу* начинают просить. Сколь уж заломят денег, ли чо...

Это теперь, сказать, сучьи свадьбы... По девяносто человек, десять столов насадоют, а оне хошь бы, б..., пели песню. Простите меня, что я не так говорю. О-ой, хошь бы оне песню спели. Завядуть эту музыку, муторно смотреть...

Девичник

Уговорятся, в какой день, запрягают коней, жаниха с нявестой по улице провязуть, но прокатють круг дярвени... И приедуть к родителям жаниха, будто, отдають. Тут уж подружки невестины на столы налаживають.

А подружки эту неделю, когда деушка засватана, подрушники ей шьють. Вот была мода ишо — подрушники: с ними кладуть *начал*⁵⁶, молятся... Потом приезжают подружки невестины, поклонятся сразу родителям у ноги... И начинают девку эту разнаряжать... Косу расплетают, волосы расчёсывают. Тут и плачут некоторые подружки. Нявеста голосит, но она не так голосит, как по упокойнику, а такая, вроде, песнь отцу-матери: почяму, дескать, отдаёте вы меня у чужедальню сторону, во чужу дярвеню, у чужую семью. Ещё так:

*У родименькой-то я маменьки,
Ня видала-то я утреннюю зорячку,
Ня слыхала-то, как пятушки поють...*

Но, вроде, спала-то долго... Но потом нявесте косу раздяляют. Расчёсывают на два крыла — это уж память на вечную жизнь. Потом уж косы пряряложат крестнакрест... начинают кичку⁵⁷ надывать... Эту кичку наденуть, женску, — это уж весь бабий век носить.

Случай: как силком отдали за дурака

Вышла за какого-то куйтунского пястярёвская девка. (После она рассказывала.) Но пришли, говорить, у горницу-то спать. Она, дескать:

— Но, застынешь в этой горнице...

Жаних молчить. Таперь она опеть говорить:

— Застынешь в этой горнице...

А он сидить, хоть бы чо сказал. Она, говорить, сядела, сядела, сядела. Постель, быдто, родители, или уж кто там, наладили, застялили. Сядела, сядела... Говорить, даже не занимает меня, и ничо не говорить... Но, она жа ня хотела за его идтить, родители насилком отдали — богатой жаних...

Таперь она: чо делать? Чо будеть, то будеть. Она: дескать, на двор пойду. Он ничо, молчит. Она там сарафан сямейский собрала, подоткнула, и — через тын к соседям прярялезла. И ня знает, кто эти соседи. Прярялезла, постучала в избу.

— Кто?

Я, мол. Дескать, так вот и так, я, молодуха, откройте.

— Ты чо?

Но, дескать, чо?! Так и так, мол.

— Ой, он же ня совсем в уме.

Она у их ночявала — зима, ночью ня пойдёшь назадь в Пястярёво. С Куйтуну же далёко. Но и утром встала, наверно, на заре и к своим прибяжала. И вот ня но-

⁵⁶Начал — здесь, в смысле, начальная молитва у семейских.

⁵⁷Кичка — женский головной убор у семейских.

чевала она с ём, и ничо ня делала, а кичку бабью надела. И после она год ли, два ли: девки гуляют, она с бабами сидит — замуж выходила. Кто поверит, что ты не спала... И пришлось потом в Куйтун выйти замуж за другого.

Случай: как бедный гармонист вышел за богатую

Мой братан... Это уж я замужем была, у мене уж двое рябятишек было... Он гармонист был, и задумал сватать богатую. Она его за гармонь любила... А он с другой подружкой ходил, и вот подружка всё пилила богатую:

— Нашла ты кого — бедный, за гармонь за ём ходишь.

Братан мой как-то понял, видно, что богатая девка к яму ластится.

Но потом другой братан жанился — я ещё с ребящёнком пошла, да ещё у положении, на свадьбу-то пошла. Будто, охота поглядеть-то... А этот там. Ко мне подходить и говорить:

— Ты валяй сейчас к Параньке. Прасковья её звали... Посватай Параньку. Она нам, мало дело, сродни...

Я говорю:

— Я как же пойду сватать?..

— Пойди, ничо. Она там у зимовейке живёт.

Пошто-то в зимовьюшке жили зимой, на дворе зимовьё, а пошто-то не в избе. Зима, стужа, что ли... Но я со свадьбы ушла. К Параньке привалила с ребящёнком на руках. Ворота открыла. Но Паранька-то думат, чо-то Капка пришла, опять чо-то продавать. Ране я им халат хороший продала... Она, это, курмушку какую-то накинула и бягить.

— Чо?

— Знаешь что, я ня продавать, я тебе сватать пришла.

— Ой, за кого?

— За братана.

Она сразу:

— А как? Батька же не отдаст за его.

А я говорю:

— Он сказал: ежли она согласится, ччас пушай, мало дело, переоденятся, чо-то посвяжей оденять, и пушай, мол, с подружкой по улице идеть. А мы на паре подъедем, их сустреням и посодим...

Я сразу к своим, когда она мне посулилась. Сказала его отцу, дяде моему. Тот:

— Ой, таперь чо будем делать?! Оне же богатые. А у нас-то чо.

Она же *убёгом* захотела выйти за братана. Но таперь Паранька с родной сястреницей переоделись, мало дело, и пошли по улице. Парни их догнали, посадили. Но наши тут, короче, испугались:

— Чо таперь будет, таку богату завязёт.

Тут забегали. А я смеюсь... Мне:

— Ты зачем согласилась сватать?

Я говорю:

— Я разве думала, что она пойдеть...

Но наши не так, чтобы совсем уж бедно жили: коровёнка была, жеребец хороший, лошадь... А у тех-то скота... Вот назавтра я наряжаюсь, бяру свою дявчонку за собой, прихожу. Ой, она, как копёшка, эта невеста, ростом небольшая. Хохочет... А он высокой, рябой, страшной. За гармонь или ишо за чо любили. Заиграет, это, девки без ума.

Отец его — дядя-то, быдто, мой — шибко песни любил. Это у нас родовина песенна. Я от него-то все старинны песни знаю. Вот, бывало, мене скажет: «Но, подошла моя пташка, но, подхватывай...» Я сяду в серёдку... Любила петь. И плачу, бывало, какую-нибудь сиротскую запоём...

Но чо, значить, свадьбу гуляли. Три тройки запрягли... *За косу* вырядили чепуре пуда хлеба. Дядя: «У меня хлеб есть, а денег нету».

Но, а родители уж куда денутся, согласие, быдто, дали. А уж благословляют тайно, кому сказывают, кому и не сказывают...

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Отцы и дети

Старики, старухи на лавчке сидять. А мы гармонь под шубу... И вот под полу её спрячешь и нимо стариков идёшь. В гармонь ня играешь, ня поёшь. Потом уж куды подальше уедешь... А таперь идут, материшины всяки песни поють. Оне ни старика, ни старуху, никого ня бояться. А раньше-то нет, стяснялись, шибко стяснялись.

Со стариками завсегда советовались. Старик на печке ляжить. А придут сыны там, ишо внуки ли:

— Дедушка, мы хотим тут пашню пахать.

— Ой, нет, сыночки, тут на пашне хлеб худо поспеваеть. Вот вы сейте так там, а где лес.

И они стариков слушали и ладно жили.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Семейская вера

Толки и согласия

У нас была церковь — большой приход; как сказать... русская церковь, адали⁵⁸. Нас вот за это сослали... стариков-то наших сюда у Сибирь сослали за веру. Стужа тут непомерная была и тайга. Вот агде живём, вот эта гора, — моя бабушка, бывало, скажет, — всё лес был. Тут всё вырубали, и тут же дома строили, кто какие себе умел. Это были сосланные. За веру. Оне никому не поддались, и их сюды.

А уж как они тут дялились, не скажу... Это *тёмная вера* стала: не надо имя ладану, не надо свечи. Эти *поповски* — попа пожелали. Поповцы. У их была моленна, они там молились Богу. Небольшой был приход... Моленна — така изба глухая, там зажигали свечи. А у нас, быдто, уж большой был приход, назывался Покров Пресвятой Госпожи Богородицы.

Но разные согласия роднились потом, жанились молодые. Это вот *тёмной веры* заставляли перекрещиваться, если, сказать, невесту али жаниха брали из другого прихода. Но к имя, конечно, никто молодые ня шли...

Моя подруга вышла за *темноверца* — солдат пришёл, ему двадцать пять лет было, пошто-то долго служил, не знаю таперь. А я уж замужем была. Но она за

⁵⁸Адали — всё равно, всё одно.

его вышла и, может, няделю прожила, тут свёкр со свякровкой говорят: дескать, молодуха, мы тебя крестить будем. Она: дескать, слышали Писание Божие, раз родился, раз крестился, раз помер. Два раз не помирають и два раз не родятся, и не крестятся два раз. Я кряшшоная. Жалаятя дяржать, буду жить, не жалаятя, я сёдни же ухожу. Но, а мужик — всё-тки с армии пришёл советской, — конечно, будятыя принуждать, что ли. Какое там, дескать, крящение?! Вы окрестились и живите, а мы сами собой будем жить. Но она прожила, а его на войне, вот на нашей, гярманской, убили...

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Три веры было у Большом Куналее: *большая (царковная), темноверская, гурьевская*... У нас не попы были — уставщики. Пример, ты выучился по-царковному, станешь Богу ходить молиться. Читать так же станешь, по-царковному. Ты — уставщик... Старые умирают, помоложе ставят на ихно место.

Мы большой веры, царковнай. И вот даже девку ня брали в нявестки из другой веры. А вот если она убягить убёгом — девка замуж, — её батька ня благословляет, и ня роднится. Но там, може, после породниться.

Мы большой были приход. А это твоя мамка — *поповская* была. (*Говорилось Ф.Ф. Болоневу, учёному-этнографу, жившему раньше на этой же улице, принадлежавшему другому толку (или согласию), поповскому.*) Она — куйтунская. А в Куйтуне поповских много. А вот там были православные — даже у одной деревне. Но православных (женихов, невест) сямейские не брали...

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

...Он не был тут поп, а приезжал к им с городу или откель-то, будто... Мы назывались — *большой приход*. *Покров* — церковь тут большая была, с колоколами, со всем. А те, будто, по-другому молились — *тёмная вера*. Свячей не надо имя было, ладану, кадят старики какие... И вот ежели возьмут молодуху с другого прихода, оне её прякрекшивают, ежели какая соглашается. Вот они крестились, кто у пруду, кто у речки.

А потом одна была — *гурьянов приход* звалась. Тоже така нябольшая — как амбарушка — церковь, будто, была... Тоже все наши, куналейски, сямейски. А эта *тёмная вера* ишо сейчас у них... Савелий-то был, Крюк Сава... Она (*жена Савелия*) была *духоборка*. А таперь-то усю одёжу себе сшила, ну, *смирненную (похоронную)*, и Савелия схоронила с попами, как следует (*по-старообрядчески, как в большом приходе Покрова*). А родители её были *тёмной веры*. Вот ишо на такие иконы *письменные* ня молилась, а только на *медные*.

У нас была церковь. Потом её свернули, как зачали эту катавасию, революция, ли кто ли.

...Ломали церкву. Я не видела. Чо ли, пойдёшь глядеть?! Исакин братан *колоколы* сымал. Матка его и говорит яму:

— Но, сынок, ты *колоколы* срызаешь, но и тебе придёт время, срежется голова.

Оны поехали на машине. Исакин братан стоял на крыле. И коло царёвского проулка шофёр как на угол дал, и угол-то чуть не сбили, чуть зимовьюшко не сломали. А он, Исакин братан, сразу оторвался. Може, пьяный был... И его задавило. И вот маткино слово не прошло. Как она яму сказала: но *колоколы-то*, говорит, срызаешь, но придёт время, себе, дескать, голову срежешь где-нибудь.

...Хведот, бывало, скажет: чёрт собрал кучу и на горе стоять, как бы мене в эту кучу не заташили... Теперь никто не наруководит, и никто не направит эту власть. Вот я умру, а вы мене поминайте, дурочку. Никто не наладит жизнь, потому что ни туда пошла. Молодёжь, её хвалят, чо она делает?.. Они вон по огородам идуть, без стыда мак срязают, тут же у пузо колють...

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Поп и милиционер

— Ты чо влияшь? — милиционер попу говорить.

А поп говорить:

— А ты чо влияшь?

— Я, — дескать, — забяру яво, но там чо нахулиганить, — говорить милиционер.

А поп говорить:

— А я ня забираю. А я вот яму молярию (*мораль*) начитаю. Скажу: вот воровать нельзя — грех. Тебе Господь накажет: может тебе стянуть, можешь ты горбатый быть, может у тебе рука отняться, нога. Человека нельзя обижать... Вот ты им тюрьмой, а я словами человека убеждаю. И он послушает и ня станет ня воровать, ня хулиганить...

А теперь к этой религии шибко не подходят. Мало-мало наши рябятишки крысты стали носить. А другой смяётся...

Семейские, сибиряки⁵⁹, буряты

Бурятка говорила:

— Мани-мани, подо мхом сидит чёрт вярхом.

Сямейская ей: дескать, нельзя так говорить...

Бурятка говорить:

— Бог один, а вера разная... Одни так молятся, други так молятся...

* * *

Раньше только бурят заязжать, матка:

— Вали, на вышке там...

Там чашка, ложка, кружка ли, стакан ли ляжать... Вот принясёшь, — посуда на вышке ляжит, кто бы ни напился, — буряты у сямейских шибко поганы считались. И посуду на стул ставили. Яво за стол — скажут: за престол, — садить нельзя. И ня садили. На стуле вот, аль на тубареточку тряпочку постелишь, и чай, суп, там ли чо, хлебушко дашь. Вот бурят сядить, чаюеть. Сроду у сямейских закона не было, чтоб бурят садился за стол. А тапери всё...

Православных получше принимали. Эти хоть чай за общим столом пили. А замуж ня бралися и не жанились... У нас знакомые были, православные, псястярёвский. Мы это ходились, чаевались всё, а замуж ня брались. Мне один, будто, парень знакомый:

— Мы вот Гашку возьмём замуж.

⁵⁹Сибиряки — здесь, в смысле, русские общеправославные.

А matka моя:

— Ты не вздумай, Гашка, за сибиряков выходить.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Суеверия

Ворожба

Мы на росстаня⁶⁰ с Валькой пошли, с подружкой. Вот пошли ворожить. Вот взяли лопату, какой жар загребають. Вот пришли до проулка, зачартились⁶¹. Подруга зачартилась, и вот, будто, как стол кто волочил. Вот моешь новой раз стол, и поволочишь его, а он по избе-то — тр-р-р! — будто ножки трящат.

А тут Мишка-то Крендель жил. Я и говорю:

— А это Мишка-то услышал, что ворожим, да нас пугает...

Но потом я зачартилась, а он, будто, оттель шумит, идёт, будто, к нам. Вот подруга говорить:

— Расчертивамся. Кто-то идёт.

Но мы расчартились... На поликарпихин проулок пришли чартиться. Я как зачартилась — и будто на лопаточку вярхом сяла и сяжу. А тут собака идёт, белая, чёрное пятно — пёстрая... Марька, подруга, сматярилась:

— Расчартивайся. Видишь, счас чёрт задавить тебе.

Я тут расчартилась.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Приворожила мужа

Вот про няньку скажу, сястру мою Стёпу... Перед армией парень её нашёл, убёгом жанился от своих. И вот говорить: я приду оттуда с армии вам в зятя.

Но и пришёл вот так под самый под Покров Богородицы, ночью. Пришёл, постучал: Стёпа, мол, открой. Это я, Матвей.

Но она открыла. Давай самовар ставить, чайвать... Утром он ещё спить, нянька скорей чай наварила, и, може, чо ишо добавила, чтоб не тосковал, вроде, туда не ходил, будто к своей matке, бабке Марфе... Она ему так подделала, — на другой бок, — что он тут дня не стал жить. Когда чаю напился, и говорить:

— Я пойду к своим, чо-то же надо объясниться с имя. Чо-то, може, дадут, капиталу какого, хлеба ли...

Таперь, это, он ушёл, она баню вытопила, Покров жа. Яво нету. О-ой!.. ходить, ой, икру метаеть, плачать:

— Это чо же тако?! Пошто Матвей сказал: «Я к обеду приеду, чо дадут, привязу...» Нету, нету, нету... Баня стопилась, она ня мыться ня идёт, ничо. И дедушка старый тоже запечалился...

Таперь ночь пришла. Эти ня в бане ня мылись, ничо, с таким горем. Таперь она сидить вот так вот — сроду не забуду, вот какая была память, — и поёт:

⁶⁰Росстаня — перекрёстки дорог, улиц.

⁶¹Зачертиться — начертить круг на земле, в которм стоит девушка и ворожит.

*Вечер... вечерней порой
Выйду я в сад погулять.
Ночь ишо не настала,
Буду я милого ждать.
Но милый нейдёт,
Загорю: наверно,
Не любить меня,
Наверно, он любит другую.
Но как не счастливая я.
Слышу, шаги раздаются,
Как будто мой милый идёт,
Я тут-то плетнём обовьюся,
И расцалую его.
Тут уж пойдут разговоры,
А там уж пойдёт болтовня,
Вспомнятся прежние ссоры,
Но было, это, конечно, шутя...*

Сама плачеть... А утром *надом* пошла к *имя*. Оне в слободе жили. Пришла, говорить... Свёкр собирается, надеёт длинный халат, это Богу молиться в церкву (нашего же приходу были, Покрова). Свекруха, говорить, там чо-то пекётъ — но, Покров, праздник. А он (муж. — *А.Б.*) на полу ляжить под одеялом. Я, говорить, подошла, открыло его, на кукурки присяла:

— Матвей, Матвей...

А он, говорить, одеяло на себя надёрнул. Сразу заплакала.

А тут его товаришы были. Такие были — Шамякины: и грабить могли, и воровать. Ихний дедушка... аж был сосланный. Лога, его звали, Лога-варначок⁶². Сосланный куда-то на Сахалин... Но она, это, к одному товаришу: дескать, ой, чо сделалось-то — Матвей-то до меня пришёл, а теперь мне ня открылси. Но, мол, чо на него нашкодили, но чо сделали?! Ня говорить...

Назавтре она домой пришла. Тут проревели день, проплакали. Таперь наш дядя сял верхом на коня, она за коня взялась, и он её повёл туда в слободу. Материн он, вроде, брат, дядя наш родной... Но чо, привёл туды: дескать, но дак вы чо думаете?.. Матвей говорить: а я туда, дескать, не пойду.

И ей-то потом говорить:

— Я к тебе шёл со всей душой. А ты мене чем напоила?! Как, дескать, утром у тебя чаю попил, у мене сделалось над глазами, адали, чёрно облако. Я, говорить, шёл в слободу, ничо ня видал, кто мне встречается.

Вот там ишо внизу мужик есть. Вот ежли только чо сделает, чичас жаних расстроится, по нявесту ня идётъ. Вот бутылку бяруть и к ему ядутъ. Наговорит, чо-то сделает, опеть жаних с нявестой сходятся. Но нянька к ему повалила. Чо уж наговорил, ня знай, но опеть сошлись.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

Нечистая сила водит

Мужик один, може, пьяной, ночью по улице шёл с пяснями. А тут его будто кто позвал. И повяли. Вяли, вяли и завяли на кучки, где сыпали навоз. А дале

⁶²Варнак — разбойник.

стали ему вина давать. Но песню поюль, пляшуть... Ему дали вино. Он взял в леву руку рюмку и правой прякрестился. И очутился — один сидить на навозе. И он испужался и побежал домой. И сказал:

— Сроду не буду ночью один ходить по улице, песни петь. Черти одолеють... Наш он, Ковалёвой мужик, Дюшка Косой.

* * *

У бабы мужик гулял, всё, быдто, бросить её хотел. Она всё думала: «Задавлюсь, какая моя жись...» И шла, её в проулочек, быдто, мужики завяли... Там изба бра-вая и, быдто, стол стоять, на столе — вино, и пятля висить. Вот мужики говорить: — На, выпей рюмку, и вот пятля висить.

Она думат: «Нет, Бубин-то задавился без креста, а у мене крест есть. Я боюсь давиться...»

И очутилась: одна стоять у этом проулке, и ни дома нету, ни рюмки, никого нету.

Домовой

...Ежли в новой дом заходят, хлеб, соль, божушка⁶³ заносють. А попередь крест нясуть. Ишо батька с маткой благословляють: но, Господи, благослови...

Мы идём с хлебом-солем:

— Суженый-ряжяный, пусти нас ночывать. Не ночь ночывать, век вяковать...

Но попередь крест и хлебушко нясуть и говорят:

— Суженый-ряжяный, домовой, пусти нас.

А кто пускал кошку попярёд. Кошку пустать, чтоб она ночи две ночывала, с нячистым боролась.

Дунька Калиничева рассказывала... Я, говорить, у новую квартиру пряшла, а крест и божушка ня принясала с избы. Имя дали с удобствами квартиру... И вот, говорить, придеть старуха и всё ходить, стучить. И я, дескать, говорю, и кто, Господи, стучить? Никого нету. И быдто, кто-то там сказал:

— У тебя божушка нету.

Она говорить, дескать, я божушка принесла, и не стало ни стучать, ничо. А навроде, домовой был.

Лесной домовой

В лясу у костра сидим, а старуха и скажеть:

— Ладно, я хушь круг огня пройду.

— А чо ты, баушка, будешь делать?

— Я попрошусь у домового.

— А чо, баушка, он будет делать?

— А он ня будет нас пужать.

В лясу-то лесной домовой.

А мы, молодые, как-то не попросились. Но огня наклали, песни поём, хохо-чем. А он, лясной, всё швыряет горящими прутиками то одного, то другого. Вот мы и говорим: надо у домового проситься.

⁶³Божушек — икона.

Мы, бывало, придём у лес, огня накладём. Старухи скажут:

— Ладно, шалаболки, ня брянчитя.

И вот пойдёт старуха круг огня, почитает молитву.

* * *

...Спяки чытыря булочки и положи у чытыря угла. Это если домовой пужаешь, у подполью, у кажинный угол одну... Зачинают, где образы стоят; там, быдто, маленько землёй зароешь.

— Вот тебе, домовой хлеба-соли. Кушай, а мене ня пужай. Ня стучи, ня кричи...

* * *

Я сколь пряжила, на худом коне не пряедешь... Один раз я ляжу, вот, адали быдто, у эту стиралку — дрынь, дрынь, дрынь! — быдто, забреньчало. Вот, быдто, железка, упала. Чо упало? — оробела я. Потомоча, быдто, как в эту заборку палкой. Я вот на этой койке спю. А я одна была. И говорю:

— Ах ты... — сматярилася. — Ох ты, враг-то, сотона, откачнись от мене, у мене есть крест, на крясту три подписи: Лука, Марк, Никита Мученик. Никита за Христа душу спомучил, а за нас, за грешных, Богу молится. Отойди, чёрт, от мене. У мене есть Господь, стоять прястол и на прястоле стоять крест-хранитель. Сохраняеть мене.

А потом всё-таки оробела. Богу помолилася, вышла, избу замкнула. Игоре-ву дывчонку позвала... Имя сбрыхала: у мене чо-то сердце колеть, ня хватило бы. Пойдём, Светка, ночуешь у мене... Но потом, быдто после, я хлебушек, это, спякла. Чытыре булочки — таких, как тарочки. Но хлебушка, солички положила по углам, и так сказала:

— Гостю *добрый час* сказать, *худой час* — промолчать...

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Колдун Кузя испортил

Но, колдун — он портил. У нас был — это Кузьма Михайлович, Ларионов отец. Я даже этого Кузю сама знаю... И вот Игоря Исайкина повяли жанить. Пошли по нявесту. Он кудри наладил, шапку надел. Но мы идём, песню поём. И этот Кузя стоит коло ворот, и у этого Игоря шапка пулей слятела. А мы эту шапку взяли, хоп опять на голову надели. И пошли, песни поём. Я ишо поздоровалась. Вот он таперь покойник...

Но вот мы яво прошли, туды, будто, пришли, нявесту взяли. Но назавтра тут погуляли. И на третий день Игорь захворал. Глаза таки сделались красны, вывярнулись... Так рявёть:

— У мене иголка... Ой, колет у мене иголка.

Но мы давай эту иголку искать. Може, кто у швы затолкал. Давай у штанах искать, у гашнике, у воротнике, у столбочке... У постели искали, у сапогах. Шарили иголку... Но шарили, шарили, а я говорю Исайке (*отцу жениха*):

— Знаешь чо, Исака, это никакая у него, говорю, не иголка. Мы пошли по Надьку, а Кузя стоял коло ворот, и он чо-то сделал.

Исака матюгом сматярился:

— Вали, Гашка, зови.

А я говорю:

— О-ой, я позову, а он как мене спортить, а я чем буду лячиться.

— Не спортить. Вали.

Я к яму пришла, у переднии ворота зашла, ну, с улицы. А он мене потом на зады вывел. Говорит:

— Ну, иди сюды, чтоб народ ня видел.

Я туды на зады, да и к мельнице. Да и по закоулку домой пришла. А Кузьма, это, пришёл, взял ножик и причяртил парня. И наш Игорь замолчал, хворать ня стал.

* * *

Парень Хведя тоже жанился. Вот она, хозяйка, сама мне рассказывала. Мы, говорить, шли, и тоже этот Кузя стоял коло ворот. И у мене, говорить, кичку вот так кто снял. И она потом ня стала жить с им (*с мужем*). Хведя сам рассказывал:

— От, говорить, повернётся к мене задом. Я туды перелезу, она сюды опять повернётся. «Но ты пошто мене, Ефросинья, ня любишь, ли чо? Мы с тобой сошлись...» Молчит...

Она так и разошлась с ём. Это он, Кузя, испортил, чтоб не любила она яво, и всё.

* * *

...Вот это Гашка Бондарева рассказывала. Мы, говорить, собрались деуку тоже замуж отдавать. Вот заехали к Шкуркиным... А этот Кузя всё ходил, у дырочки глядел... Коней стали выводить, а кони со двора ня выходят. Вот так на дыбы скачуть. Вот их били, били, кое-как вытолкали со двора. Но приехали туды по нявесту, у Елани она жила. Обратнo поехали. Выехали, говорить, с проулка, и дуга из оглобель вылетела. Но запрягли рябята. До Звахимовых доехали, опять вылетела дуга... Потом до колхозных амбаров доехали, и тут вылетела дуга. Но нявеста соскочила с кошевы, взяла конёв выпрягла, и круг вот так провяла. Вокресную молитву прочитала. Запрягли... На хребте, говорит, только вылетела дуга.

Но потом её замуж отдали, кичку бабью надели. Там чай пили, и всё... Утром пришли, а нявеста говорить:

— Я ня буду жить. Домой поеду с вам.

И ня буду, и ня буду, и ня буду... Я говорю Аксинье:

— О-ой, Аксинья, Нюрка (*невеста*) ня будет жить. Зови этого Кузю лечить.

Аксинья говорит:

— Кузю позову... У мене есть три метра товару, я, говорит, яму дам.

Кузю позвали, он чо-то нашаптал — и всё. Она (*Нюрка*) и по счас живёт с мужиком.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Предсказания

...Она пястарёвска... Прийду вот, стану с ей чаевать. И она мене рассказывала, это в войну мене Аксинья говорила (*1942–1945 годы*):

— Вот, дескать, Капитолина, я умру, а ты помни... Я молодая была, она уж, будто, под годами была. Но и вот, будут, дескать, гибнуть — молодёжь, как мухи. Перед последним временем. Все не своей смертью. Будут, дескать, они зря биться. А девки будут, женщины молодые, как скот. Вот скот, дескать, чичас на улице кроется — коровы ли, кто ли, — они скот. А придёт время, девки так будут.

Но мы никогда не верили: чо же это будет?! А теперь голые ходють... У Сёмки девка принесла одна *(без мужа)* и подбросила матке, и в городе поживает...

Потом про дома Аксинья рассказывала:

— Перед последним временем, дескать, гибнуть будут, девки голые ходить. Построять дома по 20, по 40 этажей. И вот ежели навредять, ежели зимой на неделю свет отключать, и могут все погибнуть.

Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

* * *

...Мать моя говорила, что перед последним временем будять война с востоку и до западу. Будут мячи лятеть, будять небо медное, зямля жалезная — родить ня будять.

Но таперь атом бросять, конечно, будять всё жалезное да медное, и зямля родить ня будет. Это всё правда.

Она, говорить, останется у граде один человек, ну, у городе ли, у дяревне ли. Вот потом сойдутся, может, чтоб стару жись сделать. Но трудно... Таперь так, по-старинному, ня сделать: как мы боялись Бога, людей стыдились.

Вот моя мать так говорела.

Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

*Материалы фольклорно-этнографической экспедиции записал и обработал
А.Г. Байборodin*